

*Библейско-богословская коллекция*  
**Патрологическая серия**

**Порфирий (Попов), архим.**

# **О СТИХОТВОРЕНИЯХ СВ. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА**

Труды Киевской духовной академии, 1863,  
№ 4, с. 400—430

© Сканирование и создание электронного варианта:  
издательство «Аксион эстин» ([www.axion.org.ru](http://www.axion.org.ru)), 2009



*Аксион эстин*  
Санкт-Петербург  
2009

## О стихотвореніяхъ св. Григорія Богослова<sup>1)</sup>.

Многіе изъ св. отцовъ церкви, среди многотрудныхъ и тяжкихъ подвиговъ своего служенія церкви, нетолько не пренебрегали поэзіей, но даже сами, и притомъ въ глубокой старости, писали стихи, которые въ свое время читались съ увлеченіемъ; таковы: Григорій Богословъ, Ефремъ Сиринъ, Амвросій Медиоланскій, Павлинъ Нольскій, св. Дамаскинъ и др. Стихотворенія нѣкоторыхъ, именно Григорія Богослова и Ефрема, хотя въ прозаическомъ переводѣ, давно уже изданы и на русскомъ языкѣ. Можно было ожидать, что почитатели поэтическихъ произведеній, весьма пристально разбирающіе самыя мелкія и незначительныя стихотворенія народныхъ повтовъ, не оставятъ безъ вниманія и свято-отеческихъ стихотвореній; но въ многочисленныхъ статьяхъ, касавшихся литературы своей и иностранной, нигдѣ не встрѣчалось даже упоминанія объ этихъ произведеніяхъ св. отцовъ. Видимое дѣлю, что наши литераторы соглашались съ старымъ замѣчаніемъ объ нихъ Шлегеля, которое читается такимъ образомъ: Опыты оригинальнаго христіанскаго стихотворства имѣли конечно успѣхъ въ родѣ лирическомъ, въ пѣсняхъ и гимнахъ, но опыты обширнѣйшіе, устремленные къ поэтическому изложенію христі-

---

<sup>1)</sup> Твор. Григорія Богосл. въ русск. переводѣ. Част. IV. V. VI.

анства, были всегда неудачны и всегда оставались мертвымъ трудомъ механическаго составленія или, иначе, метрическимъ облаченіемъ, лишеннымъ внутренней жизни и духа истинной поэзіи (Ист. Лит. Ч. 1. стр. 273). Сколь ни строгъ этотъ отзывъ, но въ немъ все-таки признается художественное достоинство лирическихъ отеческихъ стихотвореній. Слѣдовательно и при такомъ сужденіи о нихъ не можетъ не показаться удивительнымъ, почему никто изъ историковъ поэзіи не почтилъ ихъ никакимъ разборомъ, тогда какъ похвальные иногда и восторженные отзывы можно встрѣчать во всякомъ свѣтскомъ журналѣ даже по случаю антологическихъ безсодержательныхъ стихотвореній. Мысль, что Григорій Богословъ—духовный поэтъ, не могла устранять отъ этого труда. И свѣтскій писатель не можетъ безъ сочувствія относиться къ истиннымъ художественнымъ произведеніямъ потому только, что они духовнаго содержанія. Чтеніе подобныхъ стихотвореній есть одно изъ необходимыхъ условій къ оживленію общаго всѣмъ религіознаго чувства. Какъ бы то ни было, мы думаемъ, что истинные читатели поэзіи не почтутъ дѣломъ излишнимъ и бесполезнымъ попристальнѣе ознакомиться и съ стихотвореніями Григорія Богослова, и, въ этой надеждѣ, предлагаемъ вниманію безпристрастныхъ читателей настоящій разборъ и обзоръ сихъ стихотвореній.

Въ своихъ стихотвореніяхъ Григорій Богословъ хотя кратко, но ясно высказываетъ опредѣленный взглядъ на значеніе поэзіи. Поэтому для полнѣйшаго и точнѣйшаго опредѣленія характера его стихотвореній необходимо прежде разсмотрѣть его взглядъ на поэзію, а потомъ уже обзрѣвать какъ содержаніе его стиховъ, такъ и образъ раскрытіе сего содержанія.

Взглядъ Григорія, какъ на словесность вообще, такъ и на поэзію, далеко возвышался надъ господствовавшюю тогда теорією Аристотеля. Онъ сильно порицаетъ суетное и пустое краснорѣчіе, которое состоитъ въ громкости и благозвучіи, часто возстаеъ противъ внѣшней поддѣльности слова, и цѣнить краснорѣчіе не за искусство доказывать различныя мысли примѣнительно къ обстоятельствамъ, но за то, что въ лицахъ, имѣющихъ этотъ даръ, не отстаютъ другъ отъ друга и языкъ и слухъ и быстрая мысль, а также за то, что эти лица живо и сильно могутъ проникаться предметами достойными человѣческаго знанія и это проникновеніе пораждать и производить въ другихъ. И во времена Григорія Богослова слышны были упреки противъ поэзіи, и онъ зналъ такихъ людей, которые упражненіе въ стихотворствѣ называли преступнымъ человѣкоугодіемъ и произведеніями только изъ видовъ тщеславія. Для опроверженія такихъ несправедливыхъ упрековъ, онъ написалъ стихотвореніе о стихахъ, и здѣсь достаточно объяснилъ, какъ побужденія, по которымъ посвящалъ себя упражненіямъ въ этомъ родѣ, такъ и свой взглядъ на поэзію. Вотъ оно:

..... Я избралъ иной путь слова, думаю хорошій, во всякомъ случаѣ пріятный для меня: я рѣшился свои умственные труды передавать въ стихахъ. Не для того, какъ быть-можетъ подумаютъ многіе смертные, чтобы легкимъ путемъ пріобрѣсти себѣ тщетную, какъ говорятъ, славу: напротивъ того я зналъ, что мое стихотворство стануть порицать, производя его изъ стремленія къ человѣкоугодію: ибо многіе о чужихъ дѣйствіяхъ судятъ по своимъ собственнымъ. И не потому, чтобы я стихосложеніе предпочиталъ священнымъ трудамъ: да не отступитъ настолькоъ отъ меня Божественное слово! Вы недоумѣваете отчего же я принялся за стихи. Вопервыхъ, я желалъ, трудясь для другихъ, связать такимъ образомъ свою грѣховность и при самомъ писаніи, писать немного, вырабатывая стихъ. Во-

вторыхъ для юношей, и для тѣхъ, которые всего-болѣе любятъ словесное искусство, я хотѣлъ предложить пріятное врачество, дать привлекательность убѣжденіямъ къ полезному, горечь заповѣдей подсластить искусствомъ. Иногда звукъ струны имѣеть цѣлебную силу, если ты желаешь исцѣленія. Если же угодно, пусть стихи будутъ тебѣ вмѣсто пѣнія и лиры: я даль ихъ тебѣ на забаву, если ты желаешь забавляться. Въ-третьихъ, тяжкими опытами я дозналъ, что дѣло это, повидимому мало-важное, въ сущности нелегко; и не желая, чтобы чуждые писатели превышали насъ въ словахъ, я сталъ говорить въ той же формѣ рѣчи, хотя у насъ и есть преимущество въ созерцаніи.... Въ-четвертыхъ, въ стихахъ находилъ я утѣшеніе въ болѣзни, какъ престарѣлый лебедь, пересказывая самъ себѣ вѣщанія свирающихъ крыльевъ, не плачевную, но исходную пѣснь. Прислушайтесь къ этимъ пѣснямъ вы, не чуждые намъ мудрецы.... Да будетъ тебѣ извѣстно, что и въ св. Писаніи многое изложено стихами, какъ увѣряютъ еврейскіе ученые... Въ этомъ убѣдить тебя и Саулъ, освобожденный отъ злаго духа звуками Давидовой лиры. Въ чемъ находишь ты вредъ, если чрезъ благочестивое удовольствіе юноши приводятся къ общенію съ Богомъ. Для нихъ неудобна внезапная перемѣна въ нравахъ; пусть же по отношенію къ нимъ соблюдается благосклонная постепенность; а современемъ, когда въ нихъ укрѣпится честное, то мы сохранимъ и доброе. Что можетъ быть плодотворнѣе такого образа дѣйствій? 1).

По нѣкоторымъ выраженіямъ сего стихотворенія, можно подумать, что Григорій поэзію поставляетъ только въ мѣрной рѣчи и кажется лишаетъ самостоятельнаго ея значенія, унижая ее до служебнаго средства нравственнымъ цѣлямъ. Опъ говорить, что мѣрная рѣчь служитъ урокомъ и услажденіемъ,

---

1) Gregorii Naz. opera. Coloniae. 1690. Т. II. 248, 249.

однимъ словомъ пріятнымъ наставленіемъ и что »пиша стихи, онъ хотѣлъ дать привлекательность въ убѣжденіи къ полезному, горечь заповѣдей подсластивъ искусствомъ«. Враги дидактизма, почитатели такъ-называемаго абсолютнаго искусства, по которому оно есть само по себѣ цѣль, конечно оскорбятся тѣмъ, что Григорій писалъ стихи для наставленія другихъ въ истинахъ вѣры или дѣятельности. Но въ этомъ же стихотвореніи Григорій говоритъ о себѣ: въ стихахъ находилъ я отраду, какъ пррстарѣлый лебедь, пересказывая самъ себѣ вѣщанія свиряющихъ крыльевъ, не плачевную, но исходную пѣснь. Въ этихъ словахъ заключается достаточное объясненіе того, что говорится въ похвалу поэзіи. Они совершенно однозначительны съ извѣстнымъ стихомъ Гёте:

»Ich singe, wie der Vogel singt,  
Der in den Zweigen wohnet«.

Въ этомъ объясненіи и ограниченіи нельзя не видѣть необходимаго и разумнаго примиренія крайностей мнимаго абсолютнаго искусства и исключительнаго слишкомъ навязчиваго дидактизма. Конечно справедливо, что красота, по наивному выраженію одного изъ нашихъ писателей, родная сестра истинѣ и добру, и посему, подчинять ее и обрывать на рабскую услужливость послѣднимъ будетъ противно правамъ такого близкаго родства. Но всѣ эти равно существенныя потребности нашего духа не существуютъ на самомъ дѣлѣ такъ отрѣшенно одна отъ другой, какъ привыкли представлять это почитатели ихъ отдѣльной самостоятельности; истина и добро никогда не спорятъ такъ между собой, какъ слишкомъ ревнивыя о сохраненіи своихъ правъ сестры. Въ стремленіи къ одной какой либо изъ главныхъ и высокихъ потребностей души должны принимать и большую частію принимаютъ живое участіе всѣ силы нашего духа и въ этомъ участіи видятъ

какъ бы удовлетвореніе своихъ собственныхъ требованій. Поэтому, если Григорій ждетъ и требуетъ отъ поэзіи наставленія, это не доказываетъ въ немъ односторонняго и неправильнаго пониманія цѣли и значенія поэзіи. И новѣйшіе поэты соглашаются оставить за ней древнее названіе учительницы народовъ, и позднѣйшіе теоретики дозволяютъ поэтамъ въ своихъ произведеніяхъ выполнять на самомъ дѣлѣ слова Горация о поэтахъ: *prodesse volunt, lectorem delectando pariterque moneudo*. Самъ Шиллеръ, пламенный почитатель собственно прекраснаго, даетъ мѣсто въ поэтическихъ произведеніяхъ наставленіямъ, когда совѣтуетъ поэтамъ, при изображеніи своихъ героевъ окружать ихъ формами благородными, великими, и со всѣхъ сторонъ ограждать ихъ символами превосходнаго до тѣхъ поръ, пока призракъ превзойдетъ существенность, искусство природу. Все это онъ считалъ дѣйствительнымъ средствомъ къ тому, чтобы изгнать изъ жизни своихъ современниковъ легкомысліе и всякіе другіе нравственные недостатки. Да и тотъ изъ нашихъ поэтовъ, который такъ язвительно отвѣчаетъ требующимъ отъ поэзіи нравственныхъ наставленій:

Подите прочь, какое дѣло  
Поэту мирному до васъ,  
Въ развратъ каменѣйте смѣло,  
Не оживитъ васъ ларцъ гласъ—

и этотъ поэтъ, въ этихъ самыхъ выраженіяхъ презрѣнія къ порочнымъ, предлагаетъ самую живую и убѣдительную мораль; а въ другихъ стихотвореніяхъ онъ еще прямѣе высказываетъ наставленія. Нельзя не вспомнить еще того, что дивный и, какъ говорятъ иногда, божественный Платонъ, несмотря на его почитаніе красоты независимо отъ истины и добра, осуждалъ Гомера,—хотя и называлъ его величайшимъ поэтомъ,—за то, что его поэзія нисколько не способствовала усовершенствованію

ванію общественной и частной жизни. Подобно всѣмъ этимъ мыслителямъ и св. Григорій Богословъ хотя требовалъ дидактизма отъ поэтическихъ произведеній, но вполне постигъ и то собственное значеніе поэзіи, по которому произведенія ея, представляя истину въ явленіи и безъ нравственныхъ уроковъ, также для насъ усладительны и естественны, какъ пѣніе для птицы.

Можетъ быть иной сочтетъ унижительнымъ для поэзіи то ограниченіе, по которому св. Григорій какъ будто представляетъ поэзію важною и нужною только для людей молодыхъ и тѣхъ, которые всего болѣе любятъ словесное искусство, какъ будто прекрасное лежитъ внѣ нашихъ всеобщихъ и существенныхъ потребностей. Но онъ здѣсь говоритъ не о томъ, какъ должно быть, а о томъ, какъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ семь же послѣднемъ отношеніи его ограниченіе и вѣрно и очень естественно; не у всѣхъ развито эстетическое чувство. А и для чувственнаго неразвитаго вкуса можетъ казаться мало пріятнымъ то, чѣмъ не можетъ нахвалиться вкусъ болѣе утонченный. Притомъ Григорій, говоря, что молодымъ людямъ мѣрная рѣчь служитъ урокомъ и услажденіемъ, молодыхъ людей противопоставляетъ себѣ; на этомъ основаніи можно даже сказать, что онъ разумѣетъ здѣсь преимущественно возрасты духовной жизни. Для достигшихъ же высшаго духовнаго возраста поэзія дѣйствительно не имѣетъ такой существенной важности и значенія, какую имѣетъ по отношенію къ начинающимъ только духовную жизнь. Великій христіанскій аскетъ, ангелъ во плоти, у котораго все человѣчески высокое и совершенное воспринято чистымъ умомъ и перешло уже въ практическую жизнь, такой подвижникъ очевидно долженъ уже жаждать духовнаго таинственнаго общенія съ Богомъ и можетъ сказать, какъ и говорить въ одномъ мѣстѣ Василій Великій: »художества приличны пресмыкающимся по землѣ«.

При этомъ уже одно то, что такой ревнитель высшаго нравственнаго совершенства занимается поэзіей, одно это гораздо сильнѣе говорить за высокое ея достоинство, чѣмъ всѣ восторженные ея панегиристы. Кто обрекаетъ себя только на тѣ занятія, которыя приносятъ существенную пользу, и посему дотого простираетъ свои лишенія, что на цѣлую четыредесятницу отказывается отъ употребленія самого слова <sup>1)</sup>, тотъ сталъ ли бы подчинять себя нелегкимъ трудамъ стопосложенія и размѣра, еслибы считалъ эти занятія только дѣтскою забавою.— Не должно забывать и того, что говоря о достоинствѣ поэзіи, Григорій имѣлъ при этомъ главною цѣлю защитить отъ порицаній свои стихотворенія, которыя относятся къ видамъ поэзіи лирической, слѣдовательно такой, гдѣ недоступна еще высшая форма красоты. Можно предположить, что онъ еще высшее достоинство приписывалъ другимъ видамъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ удобнѣе примиряется, какъ говорятъ теоретики, общее и частное, единство и разнообразіе, свобода и необходимость.

Такъ Григорій въ своемъ краткомъ взглядѣ на достоинство и цѣль поэзіи, приписываетъ ей именно столько значенія и важности, сколько она заслуживаетъ. Но вѣрное пониманіе требованій искусства большею частію ручается за нужныя совершенства въ его выполненіи. Такъ ли это въ настоящемъ случаѣ?

Почти всѣ стихотворенія Григорія Богослова относятся къ лирической поэзіи, а одно изъ нихъ, именно то, въ коемъ Григорій пересказываетъ свою жизнь, за исключеніемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повѣствовательнаго тона, имѣетъ видъ драмы.

---

1) А такъ поступилъ Григорій Богословъ, обязавшись молчать ради безмолвія весь великій постъ, и молча принимавшій у себя въ это время даже знаменитыхъ постыгителей, гражданскихъ сановниковъ.

Лирическія стихотворенія—это большею частію самыя живыя и проникнутыя глубокимъ чувствомъ размышленія о самомъ себѣ, о суетности и невѣрности человѣческой жизни вообще, о сильныхъ и коварныхъ врагахъ человѣка, извѣстныхъ на богословскомъ языкѣ подъ именемъ плоти, міра и діавола, о нѣкоторыхъ догматахъ святой вѣры и христіанскихъ добродѣтеляхъ. Нѣкоторымъ изъ своихъ стихотвореній самъ поэтъ даетъ названія гимновъ, молитвъ, таинственныхъ пѣснопѣній или пѣсней, посланій и разговоровъ <sup>1)</sup>).

Лирическую поэзію называютъ субъективною, и содержаніемъ ея поставляютъ одни чувствованія, такъ, чтобы нечего было ни пересказать, ни растолковать, и достоинство ея произведеніямъ всего-болѣе приписываютъ только за музыкальность звука; посему богатыя мыслями произведенія на языкѣ такихъ теоретиковъ поэзіи отмѣчаются псевдолирическими. Конечно не трудно видѣть, что такому понятію лирической поэзіи будутъ отвѣчать, кромѣ гимновъ, только мелкія безсодержательныя антологическія стихотворенія, которыя въ самомъ дѣлѣ и приводятся въ примѣръ такими законодателями лирики. Для такихъ людей одно указаніе на положительное ученіе служитъ лучшимъ доказательствомъ отсутствія поэзіи. По всему этому при разборѣ стихотвореній Григорія Богослова необходимо сказать нѣсколько словъ въ защиту избраннаго поэтомъ содержанія.

---

1) Между стихотвореніями св. Григорія изданы еще мысли писанныя одностишіями, двустишіями и четверостишіями. Въ нихъ, по указанію самаго поэта, заключается или какое нибудь мнѣніе, или краткія изреченія замѣчательныя по сочетанію рѣчи. Сюда же должны быть отнесены стихотворенія подъ заглавіемъ: О подлинности книгъ Писанія, 12 патріарховъ, Египетскія Язвы, Моисеево десятословіе, Чудеса пророка Іліи и Елисея, Родословіе Христова, 12 апостоловъ, Чудеса Христовы и опредѣленія,—слегка начертанныя, переложенныя на мѣрную рѣчь только для того, чтобы удобнѣе могли напечатлѣться въ памяти. Кромѣ сего св. Григорій составилъ 20 надгробій равнымъ лицамъ и надписи къ двумъ храмамъ.

Общее содержаніе поэзіи, по болѣе общему мнѣнію, составляютъ истины внутренней духовной жизни, т. е. идеи объ основныхъ силахъ духа, о его высшихъ потребностяхъ, внутреннихъ состояніяхъ, цѣляхъ и средствахъ; только она представляетъ ихъ въ дѣйствіяхъ, событіяхъ и характерахъ. А сердечная вѣра въ истины религіи, значеніе настоящей жизни, и послѣднее назначеніе человѣка, конечно, принадлежать къ сему роду истинъ. Поэтому и поэзію лирическую, какъ одинъ изъ трехъ ея видовъ, незаконно лишаютъ общаго содержанія поэзіи; иначе она не можетъ быть ея видомъ. Правда, что при этомъ самъ собою навязывается вопросъ: можетъ ли лирикъ, согласно требованію поэзіи, представлять это содержаніе отвлеченно-мыслимое какъ живое, это общее какъ единичное и это внутреннее какъ внѣшнее? Несправедливо было бы отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Каждая отвлеченная общая мысль, перешедшая въ сознаніе путемъ продолжительнаго глубокаго размышленія и воспринятая сердцемъ, превратившаяся въ убѣжденіе, становится для насъ такимъ достояніемъ, что самыя незначительныя нападки на нее, самое малое разувѣреніе въ ней для насъ непріятно, болѣзненно и тягостно. Тѣмъ болѣе это должно сказать объ истинахъ религіи, по тѣсной связи ихъ съ настоящимъ и будущимъ благополучіемъ. Писатели извѣстные своимъ благочестіемъ, въ чемъ конечно согласится всякій, отличаются такою сильною любовію къ исповѣдуемымъ истинамъ вѣры, что постоянное размышленіе объ этихъ истинахъ составляетъ сладостнѣйшую пищу для ихъ сердца, и что, по сему, сила и возвышенность чувствованій у нихъ идетъ объ руку съ твердостію и наглядностію разумаго убѣжденія. Если вѣра наша сердечна, проникнута глубокимъ чувствомъ, то и частныя истины или догматы вѣры естественно могутъ и должны занимать жизнь, силу и благоговѣйную усладительность отъ воспріятія ихъ сердцемъ.

Самое главное требованіе въ отношеніи къ лирическому поэту состоитъ въ томъ, чтобы онъ и въ то время, когда говоритъ о самомъ себѣ, говорилъ объ общемъ, о томъ, что принадлежитъ природѣ человѣчества или чтобы его личность представлялась заключающею въ себѣ все то, что должно быть въ отдѣльномъ лицѣ, но чуждою всего того, что можетъ быть и не быть, или что не должно быть. Дѣйствительно, онъ долженъ стараться не о томъ, чтобы занимались его особой, но чтобы поставить другихъ на одну съ собою точку, съ которой бы всякій могъ видѣть много истиннаго, прекраснаго и занимательнаго.

Такимъ именно и представляется содержаніе стихотвореній Григорія, при подробномъ и внимательномъ ихъ обзорѣ. Они заключаютъ въ себѣ совершеннѣйшій образецъ того, какія мысли по преимуществу должны занимать христіанскій умъ въ настоящей жизни и какъ побѣдоносно выходятъ изъ борьбы съ различными душевными помыслами. Обращая взглядъ на самаго себя, поэтъ открываетъ очень много тайнаго и непостижимаго для своего ума, замѣчаетъ сильную борьбу въ своихъ желаніяхъ, обнаруженія чувственности стѣсняющія высокій полетъ его духа, множество соблазновъ угрожающихъ гибельною опасностію душѣ со стороны враговъ спасенія. По всему этому онъ признаетъ земную жизнь тяжелою и суетною, но въ то же время мирится съ своею жизнію потому, что живо представляетъ себѣ Божественное промышленіе о судьбѣ каждого человѣка, а также и потому, что одушевляется ожиданіемъ небесныхъ радостей и блаженнаго общенія съ Пресвятою Троицею, славѣ Которой посвящена была вся его истинно-подвижническая жизнь. Его любовь къ Господу такъ жива и сильна, что нѣсколько минутъ проведенныхъ въ обществѣ людей праздныхъ и суетолюбивыхъ, незнакомыхъ съ занятіями богомыслія, порождаютъ въ немъ глубокую печаль.

Вѣрный такому взгляду на жизнь, онъ въ своей духовной жизни, переданной въ стихотвореніяхъ, представляетъ яснѣйшій примѣръ постоянного хожденія предъ Богомъ, поутру и по вечеру, въ болѣзни и на пути, является предъ лицомъ Господа съ хвалебно-молитвенными пѣснями, съ воплями сердечнаго сокрушенія за свои самыя легкія преткновенія, съ умилительнымъ прошеніемъ Его содѣйствія во всѣхъ своихъ дѣлахъ и въ самомъ пѣснословіи, а также съ выраженіями пламеннаго желанія созерцать Его не только очами вѣры, но и лицомъ къ лицу. Припомнимъ еще, что вопросы о Пресвятой Троицѣ въ IV вѣкѣ особенно занимали весь христіанскій міръ, и для рѣшенія ихъ были учреждаемы вселенскіе соборы, и что ревнителямъ православія еще не переставали угрожать сильныя гоненія, заточенія, ссылки и самая смерть. Не забудемъ при этомъ, что защитники ложнаго ученія прибѣгали къ помощи стиховъ, Арій написалъ Фалію, у македонянъ былъ переложень на мѣрную рѣчь Новый Завѣтъ, и Аполлинарій составилъ свою какую-то псалтирь. И такъ, и по требованіямъ современности необходимо было явиться такимъ таинственнымъ пѣснопѣніямъ »о Богѣ, Словѣ и Духѣ«, какія написалъ Григорій. По долгу пастыря церкви онъ принималъ самое живое участіе въ дѣлахъ вѣры, и потому, глубокому его сочувствію къ современнымъ вопросамъ естественно было выразиться и въ его стихотвореніяхъ. Кромѣ того, церковная исторія передаетъ, что въ IV вѣкѣ особенно прославились аскеты съ ихъ строгою дѣвственною уединенною жизнію, и всѣ лучшіе проповѣдники посвящали имъ нѣсколько похвальныхъ словъ; а это показываетъ, какъ современны были стихотворенія Григорія »о монахахъ, о дѣвствѣ, о суетѣ жизни, сравненіе мірской жизни съ духовною« и т. п. Наконецъ, если мы здѣсь только странники и пришельцы, и наше отечество на небесахъ: то какіе звуки естественнѣе должны издаваться и выражаться на лирѣ

поэтовъ, какъ не звуки скорби и пѣснопѣнія о бѣдствіяхъ земнаго странствованія. Отвѣтъ плѣнныхъ іудеевъ вавилонянамъ по крайней мѣрѣ аналогически говоритъ въ защиту этихъ мыслей. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ хотя бы поэтъ говорилъ о самомъ себѣ и высказывалъ свои чувствованія, они вовсе чужды личной исключительности, и къ его чувствамъ никто не можетъ оставаться равнодушнымъ и холоднымъ, развѣ только будетъ чрезвычайно невнимателенъ къ своему долгу и назначенію.

Но не одни теоретическія соображенія увѣряютъ насъ въ томъ, что избранное Григоріемъ содержаніе доступно для поэтического выраженія. Къ этой же мысли необходимо приводить и самый разборъ стихотвореній, изслѣдованіе того, какъ выполнилъ Григорій болѣе общія требованія теоретиковъ или критиковъ вассательно образа поэтического выраженія и раскрытія истины.

Отъ лирическихъ произведеній иногда требуютъ, чтобы они начинались изображеніемъ сильнаго восторга, были полны быстрыхъ переходовъ, обнаруживали нѣкоторый беспорядокъ въ расположеніи и т. п. (Чт. о слов. Давидова). но опредѣлять достоинство выполненія лирическихъ произведеній по подобнымъ теоріямъ значитъ ограничивать ихъ очень тѣсными предѣлами однообразія, и въ случаѣ дѣйствительнаго подчиненія такимъ правиламъ лирики, нужно будетъ превозносить похвалами такія оды, въ которыхъ начальный восторгъ замѣняется холодными и общими восклицаніями. По отношенію къ стихотвореніямъ Григорія надобно напередъ сказать, что у него нѣтъ этой восторженности началъ, ни быстрыхъ порывовъ, но также нѣтъ пустой ложной декламации; за то въ его пѣснопѣніяхъ можно какъ бы на яву созерцать побѣдоносную борьбу сердечной вѣры съ холоднымъ разсудкомъ, и такое примиреніе притязаній послѣдняго съ правами первой, при которомъ изъ

дѣйствительныхъ правъ ничего не отнимается ни у того, ни у другой. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, рѣшаются иногда и отвлеченные вопросы; но это рѣшеніе предоставляется сердцу, горячо любящему истину и узнающему ее болѣе въ точныхъ и близкихъ подобіяхъ, въ живыхъ картинахъ и изображеніяхъ, и только изрѣдка позволяющему разсудочное изслѣдованіе, притомъ только въ опроверженіе общеизвѣстной софистики, такой софистики, которая сдѣлалась предметомъ домашнихъ разговоровъ и рыночныхъ споровъ. Тамъ, гдѣ разумъ не понимаетъ ясно внутренней возможности того, что передаетъ откровенное ученіе, поэтъ признаетъ законность его притязаній на уясненіе, но, предваряемый чувствомъ благоговѣнія предъ неисповѣдимымъ величіемъ Божіимъ, онъ въ то же время сознаетъ и необходимость непостижимыхъ таинъ въ ученіи о Богѣ, силится представить истину догматовъ въ образахъ взятыхъ изъ сотворенной природы, но не удовлетворяется даже довольно-близкимъ ихъ соотвѣтствіемъ, и наконецъ останавливаетъ взоръ и мысль читателей на живомъ напоминаніи того, что говорится въ разныхъ мѣстахъ Писанія о свойствахъ и дѣйствіяхъ Сына Божія и Св. Духа. Поэтому даже и тѣ стихотворенія, которыя надписываются: «о пачалахъ, о Сынѣ, о Св. Духѣ», никакъ нельзя назвать мертвымъ трудомъ механическаго составленія, или метрическимъ облаченіемъ, лишеннымъ внутренней жизни и духа истинной поэзіи; скорѣе это совершеннѣйшіе образцы высокихъ лирическихъ произведеній, весьма сходные съ ветхозавѣтными псалмами, только собственная образность послѣднихъ, въ первыхъ замѣняется формою неожиданныхъ, но живописныхъ подобій и сравненій; и эти подобія, по особенной своей живости выразительности и пригодности, такъ прикрываютъ различіе между внутреннимъ и внѣшнимъ, между объясняющимъ и объясняемымъ, что разсудокъ, удовлетворенный аналогическимъ объясненіемъ истины,

не хочет открывать прикровенное, раздѣлять соединенное, и послѣ сего истина легко воспріемлетъ чувственнымъ представленіемъ, скоро переходитъ въ сердечное убѣжденіе, отсюда вновь получаетъ животворную силу къ собственному своему огражденію отъ нападковъ софистики, и такимъ образомъ удовлетворяетъ нераздѣльно всѣмъ тремъ потребностямъ души, т. е. стремленію къ истинѣ, добру и красотѣ. Справедливость этихъ словъ еще болѣе можетъ уясниться, если припомнить тѣ явленія психической жизни, по которымъ люди, проникнутые благоговѣйнымъ чувствомъ, болѣе утверждаютъ въ истинѣ напр. безсмертія души чрезъ созерцаніе образовъ воскресенія въ весеннемъ оживленіи малѣйшихъ насѣкомыхъ и прозябаніи растений, чѣмъ разсудочными доказательствами. Къ объясненію сего положенія немало можетъ служить и то, что писатели съ мистическимъ направленіемъ обыкновенно въ самыхъ физическихъ предметахъ любятъ отыскивать изображенія міра невидимаго, духовнаго, и чрезвычайно восхищаются подобными сближеніями. Согласившись съ этимъ, надобно допустить, что подобія или сравненія въ поэтическихъ, особенно въ лирическихъ произведеніяхъ, нельзя считать чуждыми поэтической образности, и что напротивъ, живописныя сравненія имѣютъ достоинство не только пріятнаго, занимательнаго, но и истинно прекраснаго, художественнаго выраженія истины.

Можетъ представиться, что если подобіямъ приписать поэтическую образность: то чрезъ это смѣшаются произведенія поэзіи съ ораторскими. Но это опасеніе напрасно, по крайней мѣрѣ по отношенію къ стихотвореніямъ Григорія Богослова. Сила чувства, преобладающая надъ спокойнымъ размышленіемъ, обращенія къ самому себѣ, къ своему сердцу, подробная живость изображеній, отсутствіе ученаго порядка рѣзко отличаютъ самыя догматическія стихотворенія Григорія Богослова отъ простаго ораторства. Даже его пѣнопѣнія »о мірѣ;

Промыслѣ и душѣ,\* которыя по прежнимъ пѣтикамъ всего скорѣе можно было бы отнести къ философскимъ одамъ, чужды отвлеченности и научнаго логическаго или систематическаго порядка въ изложеніи мыслей. Касаясь слишкомъ живыхъ еще въ сознаніи народа философскихъ и манихейскихъ заблужденій о сихъ предметахъ, св. Григорій низлагаетъ ихъ мнѣнія болѣе народными присловіями, и крайнимъ ихъ нелѣпостямъ противопоставляетъ живыя олицетворенія библейскихъ сказаній. Особенно поражаетъ художественностію изображеній стихотвореніе »объ умныхъ сущностяхъ«. И близость ангеловъ къ высочайшему Свѣту, и первоначально бывшая въ нихъ возможность паденія и зло привнесенное въ міръ отпадшими ангелами, при поэтическомъ воззрѣніи нашли для себя весьма соотвѣтственныя картины въ видимой природѣ. А пѣснопѣніе Григорія »о завѣтѣ и пришествіи Христовомъ« проливаетъ ясный свѣтъ на исторію іудеевъ, и есть благоговѣнно-живое признаніе Божественнаго промысленія о человѣческомъ родѣ. Правда, поэтъ въ одномъ мѣстѣ своихъ догматическихъ по содержанію стихотвореній, самъ употребляетъ выраженіе: »Такъ доказалъ я тебѣ Божество Духа\*»; но то, что выше было говорено, вовсе не имѣетъ ни малѣйшаго вида доказательства, такъ что здѣсь вполнѣ можно сказать, что поэтъ тѣмъ болѣе является поэтомъ, чѣмъ менѣе стремится къ этой цѣли. Даже если это мѣсто назвать ораторскимъ убѣжденіемъ: то здѣсь всего болѣе примѣчается не столько желаніе убѣдить другихъ, сколько искренность собственнаго убѣжденія поэта и то простосердечіе, которое невольно дѣйствуетъ на наше сердце и также много заключаетъ въ себѣ поэзіи, какъ наставительныя бесѣды пламенной отеческой любви или задушевные совѣты вѣрнаго и любимаго друга. Всѣ сдѣланныя доселѣ общія замѣчанія казались необходимыми для защиты собственно догматическихъ, или какъ называетъ ихъ самъ поэтъ, таинствен-

ныхъ пѣснопѣній. Но въ остальныхъ лирическихъ стихотвореніяхъ св. Григорія никакой критикъ, хотя бы онъ былъ самый придирчивый или близорукій въ сужденіяхъ, не можетъ не видѣть истинно-художественнаго достоинства, или, что тоже,— совершеннаго выполненія всѣхъ условій и требованій лирической поэзіи. Всего же ярче въ сихъ твореніяхъ просвѣчиваютъ высшія лирическія совершенства, особенно сила чувствованій, подробная живописность изображеній и необыкновенное искусство сатирически разоблачать софистику равнодушныхъ къ добру. Стоитъ поговорить о каждомъ изъ сихъ свойствъ отдѣльно.

Поэтическое одушевленіе всего болѣе зависитъ отъ твердости убѣжденія, отъ ясности представленія и отъ величія изображаемаго предмета. Недостатокъ твердости въ стремленіи къ опредѣленной и достойной цѣли бываетъ причиною того, что у свѣтскихъ поэтовъ нерѣдко недостаетъ истиннаго одушевленія тогда, когда изображаютъ истинно-высокое, наоборотъ случается и то, что самыя сильныя и глубокія ихъ чувствованія кажутся приторными и пустыми, потому что возбуждены бываютъ предметами и желаніями личной исключительности, въ которыхъ болѣе истинный взглядъ не видитъ ничего достойнаго и важнаго. Но Богообщеніе—вотъ единственно высочайшая цѣль, стремленіемъ къ которой живо былъ проникнутъ св. Григорій Богословъ, и на пути къ которой естественно встрѣчалъ сильное препятствіе въ помощахъ человѣческихъ и противодѣйствія враговъ спасенія. Посему, какъ истинно-ревностный служитель этой цѣли, обращаетъ ли поэтъ свой взглядъ на Бога, или на себя, или на міръ,—съ истиннымъ смиреніемъ изображаетъ неисповѣдимое величіе Творца, съ сердечнымъ умиленіемъ проситъ Его содѣйствія на всѣхъ стезяхъ своей жизни,—какъ обыкновенно просятъ того, безъ чего не сознаютъ возможности жить; съ глубокою скорбію говоритъ о сво-

емъ безсиліи и своихъ немощахъ,—какъ обыкновенно жалуются когда живо сознаютъ себя виновниками собственныхъ великихъ несчастій и бѣдствій, съ сильнымъ огорченіемъ воспроизводитъ предъ собою непріязненные противодѣйствія враговъ духовнаго совершенства,—какъ вообще оскорбляются несправедливыми притязаніями на отнятіе того, въ чемъ сердце находитъ единственное наслажденіе и довольство. Такимъ образомъ стихотворенія св. Григорія Богослова какъ въ своемъ началѣ прямо исходятъ изъ сильнаго и глубокаго чувства, такъ въ своемъ продолженіи и окончаніи проникаются и оживляются тѣмъ же чувствомъ. Всего чаще они превращаются въ молитвенный вопль страждущей души; но при всемъ повтореніи этихъ чувствованій, единствѣ предмета вызывающаго къ молитвѣ, этотъ вопль всегда принимаетъ разнообразное выраженіе то трогательнаго умиленія, то глубокаго смиренія, то твердой вѣры и сыновняго упованія, никогда не оскудѣваетъ въ своей силѣ, и самъ собой напоминаетъ слова извѣстнаго другаго поэта: »мы рождены для вдохновеній, для звуковъ сладкихъ и молитвъ«. Кромѣ молитвы, энергія и сила чувства неменѣе выражается въ жалобахъ на собственную холодность сердца, тогда какъ въ предыдущемъ поэтическомъ изображеніи природы чело-вѣческой ярко просвѣчиваетъ, повсюду замѣчается такое сильное чувство, которое при преобладаніи разсудка и при меньшемъ развитіи сердца, можетъ даже представиться сентиментальностію. Нерѣдко сила чувства выражается въ великомъ негодованіи на ничтожество предметовъ обольщающихъ чело-вѣческое сердце; при этомъ рѣчь естественно получаетъ видъ угоризненнаго порицанія, напр. »все здѣшнее—смѣхъ, пухъ, тѣнь, призракъ, роза, дуновение, перо, паръ, соплъ, волна, топль, слѣдъ корабля, вѣтеръ, прахъ, кругъ вѣчно кружащійся, и неподвижный и вертящійся, и разрушающійся и непремѣнный« и т. под. Въ другомъ стихотвореніи св. Григорій такъ

еще отзывается о настоящей жизни: »смертнымъ все трудно, богатство певѣрно, престоль—веченіе сновидца, быть въ подчиненіи тягостно, бѣдность—узы, красота—кратковременный блескъ молніи, молодость—временное восхищеніе, сѣдина—скорбный закатъ жизни, слова летучи, слава—воздухъ, благородство—старая кровь, сила—достояніе дикаго вепря, пресыщеніе нагло, супружество—иго, многочадіе—необходимая забота, безчадіе—болѣзнь, недѣятельность расслабляетъ, чужой хлѣбъ горекъ, словомъ нѣтъ добра для людей, къ которому бы не примѣшивалось зло, много путей, много бѣдственной жизни, и на каждомъ шагу встрѣчаются свои скорби«. Это не наборъ словъ, но обыкновенный языкъ оскорбленнаго сердца; силащійся въ самыхъ краткихъ наименованіяхъ предмета выразить всѣ его свойства, и всѣ оттѣнки мыслей, и общю ихъ суммою удовлетворить требованіямъ чувства <sup>1)</sup>).

Иногда поэтъ при особенномъ воспламененіи сердца дѣлаетъ обращенія къ отвлеченнымъ и духовнымъ предметамъ, представляя ихъ какъ бы одушевленными и видимыми; но эти обращенія при исключительной ревности поэта о добродѣтели вовсе чужды обычной у другихъ неестественности и холодности, таково напр. олицетвореніе дѣвства и супружества, мірской и духовной жизни; а также жалоба на демонскія искушенія. Вотъ какъ читается послѣднее олицетвореніе въ стихотвореніи на лукаваго: »Къ Богу взываю, что это? Бѣги отъ меня скорѣе, бѣги злобный звѣрь, челоуѣкоубійца! Для чего

---

1) Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть вліянія стихотвореній Григорія Богослова на поэзію нашихъ церковныхъ богослужебныхъ книгъ: наши акаенсты, очевидно, весьма много имѣютъ сходнаго съ подобными мѣстами стихотвореній Григорія Богослова. По суду холоднаго разсудка здѣсь одни риторическіе синонимы и тропы, но всякій знаетъ, что въ благоговѣйныхъ читателяхъ эти самыя творенія возбуждаютъ искреннія и обильныя слезы.

тревожишь меня, не потерпѣвъ никакой обиды? Иди въ своихъ свиней и наполняй глубины, онѣ готовы принять тебя, низринувшагося въ бездну; но не прикасайся ко мнѣ; иначе низложу тебя брестомъ: предъ его державой все ужасается и трепещетъ отъ страха. Отойти, отоиди отъ меня, непріязненный человѣкоубійца! Отойти страшное привидѣніе, неистовая злоба! отоиди! У меня въ сердцѣ Христось: Ему принесъ я въ даръ свою душу, откажись отъ меня, и бѣги скорѣе прочь! Ахъ! помогите мнѣ, ангелы предстатели! Ахъ! ко мнѣ приступаетъ мучитель и тать; умоляю васъ, друзья, избавьте меня отъ него. Приходилъ, приходилъ ты ко мнѣ, злобный: но остановленъ. Какъ скоро замѣтилъ я дымъ, догадался, что будетъ и огонь. Сильное зловоніе—явный признакъ змія. А я подѣмлю крестъ. Онъ стражъ моей жизни; онъ связуетъ собою весь міръ и приноситъ его Богу. Убойся креста, отоиди, не являйся вторично.»

Въ наше время, пожалуй, для многихъ покажется даже странною такая сильная жалоба на демона искушителя, но истина явленія злыхъ духовъ у аскетовъ при ихъ бдительномъ вниманіи къ самимъ себѣ возведена до аподиктически-очевидной аксіомы, и св. Григорій Богословъ конечно неложно говорить о себѣ, что онъ и самъ изгонялъ бѣсовъ; слѣдовательно ничего неестественнаго, когда онъ съ такою жалобою отгоняетъ отъ себя діавола, и для прогнанія его проситъ предстательства св. ангеловъ.

Другое отличительное свойство стихотвореній Григорія—живописность, т. е. такая подробность изображеній, которая при полномъ наглядномъ представленіи всѣхъ частныхъ сторонъ мысли совсѣмъ чужда излишка и утомительности, которая и при обширности изображеній умѣетъ держаться сжатыхъ и сильныхъ выраженій. Особенно въ семъ случаѣ можно указать въ примѣръ на изображеніе суетности жизни человѣческой, выгодъ и неудобствъ супружества, заблужденій язычества

и языческихъ зрѣлицъ, также на изображеніе притѣсненія богатыхъ и глубокой преданности къ Григорію гнильской его паствы. Такъ при изображеніи суеты человѣческой жизни поэтъ сначала изображаетъ картину довольства и счастья всѣмъ извѣстныхъ животныхъ (IV. 265), а вслѣдъ за симъ въ контрастъ представляетъ явленія прошедшей жизни человѣчества (267 стр.) и неудовлетворимость высокихъ желаній человѣческихъ въ этой жизни. Посему, по прочтеніи такого стихотворенія, въ душѣ читателя остается самое ясное представленіе того, что мы здѣсь не дома, не въ отечествѣ, и что наша жизнь вовсе не такова, какою должна быть, несмотря на увѣренія крайнихъ прогрессистовъ. Между тѣмъ одно прибавленіе »не напрасно сотворилъ меня Богъ«—не позволяетъ томиться безотраднѣю и безнадежною скорбію. При этомъ само собою приходитъ на память извѣстное стихотвореніе Лермонтова »и скучно и грустно«, въ похвалу которому вслѣдъ за Бѣлинскимъ критики истожили все свое краснорѣчіе; при сравненіи съ стихами Григорія о суетѣ жизни, оно представляется не болѣе какъ слабымъ произведеніемъ жалкаго мечтателя. Это особенно потому, что въ стихотвореніи Лермонтова говорится только о томъ разочарованіи, которое бываетъ при апатическомъ пресыщеніи предметами страстныхъ вождельній, или которое порождается неудачею въ приключеніяхъ вѣшней привязанности; только за это авторъ называетъ жизнь пустою и глупою шуткой. Не такъ изображаетъ суету жизни св. Григорій: онъ горько оплакиваетъ общечеловѣческія бѣдствія, но въ то же время совершенно покоряется Божіему провидѣнію. А какія сильныя впечатлительныя и смѣлыя выраженія есть у св. Григорія, объ этомъ можно судить по тому, что послѣ изображенія немощей и смертности человѣческой, онъ восклицаетъ: »одинъ и тотъ же прахъ и царь Константинъ и мой служитель, и горделивымъ то одно преимущество, что громче надъ ними плачь,

пышнѣе ихъ гробница и дольше хранится на жалкомъ камнѣ надгробная надпись (322 стр.).

Истинно, немного можно найти примѣровъ, гдѣ бы такъ подробно, живо и увлекательно раскрыта была внутренняя борьба человѣка съ самимъ собою, борьба плоти его съ духомъ и суета его настоящей жизни, какъ это сдѣлано въ стихотвореніяхъ св. Григорія Богослова. Особенная заботливость другихъ поэтовъ о примиреніи чувственнаго съ духовнымъ всего больше ратуетъ за права перваго и легко впадаетъ въ крайность эпикуреизма, неспособнаго видѣть враждебныя противодѣйствія чувственности духу и слишкомъ уступчиваго въ ея пользу; при этомъ свѣтскіе поэты, боясь дидактизма, стараются идеализировать всѣ требованія чувственности, и представляютъ ихъ въ оболыстительномъ видѣ, но слѣдствіемъ сего бываетъ чаще то, что довѣрчивый къ этой идеализаціи быстро ниспадаетъ въ самую низшую сферу мрачной дѣйствительности, по естественной неспособности тяжелому держаться вверху<sup>1)</sup>. Поэтому самое эпилогическое изображеніе предметовъ низкихъ и недостойныхъ, особенно его внѣшняя живость, очевидно неумѣстны въ истинно-высокихъ художественныхъ произведеніяхъ. Живо сознавая эту истину, св. Григорій какъ нельзя болѣе свободенъ отъ всѣхъ подобныхъ недостатковъ.

Могутъ сказать, что заботясь о подробности изображеній,

---

1) Здѣсь кстати еще вспомнить жалобы Платона на Гомера за то, что онъ своей Илиадою не способствовалъ къ улучшенію частной и общественной жизни. Если въ самомъ дѣлѣ и вѣрно то, что, представляя боговъ въ современномъ національномъ духѣ, онъ не раздѣлялъ мнѣнія своихъ соотечественниковъ о богахъ: по все же его эпопею нельзя назвать яснѣйшимъ раскрытіемъ истины, потому что собственная идея поэта оставалась вовсе сокрытою для современныхъ ему читателей. Изъ нея видно, что въ описаніи напр. посѣщенія Герою Зевса они видѣли объективное представленіе истины, когда продолжали обоготворять собственныя свои страсти.

Григорій не всегда выполняет всѣ требованія образности поэтическаго выраженія. Но если въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ истинная поэтическая образность замѣняется подборомъ подобій, подробными указаніями на противоположные предметы или состоянія, то это дѣлается такъ умно и прекрасно, что мы здѣсь видимъ и внѣшніе предметы природы въ ихъ живой дѣйствительности и ихъ весьма близкое къ собственной образности ясное указаніе на высшія духовныя истины. Таково наприм. раскрытіе неестественности нашего состоянія чрезъ изображеніе благополучія животныхъ; указаніе на долгъ любви родителей къ дѣтямъ и на обязанности цѣломудрія чрезъ представленіе примѣровъ подобной заботливости объ этихъ качествахъ, замѣчаемой въ неразумныхъ животныхъ. Здѣсь поэтъ всего болѣе повидимому старается о живомъ изображеніи этихъ внѣшнихъ предметовъ, но между тѣмъ уясняетъ собственную свою идею. Таково »стихотвореніе, въ которомъ скрытнымъ образомъ поучаетъ жизни во Христѣ«. Истинная поэтическая образность, повсюду замѣтная въ этомъ стихотвореніи, можно сказать есть лучшее нагляднѣйшее доказательство того, какъ поэтическіе образы при собственной своей живости гораздо болѣе говорятъ за скрытно-изображаемую идею, гораздо болѣе удовлетворяютъ эстетическому чувству, чѣмъ точное и прямое обозначеніе идеи, какъ будто какой нибудь темы въ ораторскихъ произведеніяхъ. Такимъ образомъ въ описаніяхъ Григорія необыкновенно совмѣщаются неотъемлемыя ихъ достоинства, и внѣшняя живость представленія, и ихъ соразмѣрная подробность, и искусство воспроизводить то, что есть болѣе важнаго въ дѣйствительности, искусство особенно важное потому, что неспособно восхищаться незначительными предметами и облекать въ богатую форму бѣдную и соблазнительную мысль. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно описаніе бури, прилучившейся во время его мореплаванія,—описаніе

видѣнныхъ имъ во снѣ двухъ дѣвъ, которыя были олицетворенная чистота и дѣвство, видѣніе о храмѣ Анастасіи и характеристика людей гнѣвливыхъ.

Многія изъ стихотвореній Григорія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ носятъ на себѣ комическій и сатирический характеръ. При этомъ, смотря по свойству человѣческихъ слабостей, поэтъ или тихо и любвеобильно разоблачаетъ смѣшную сторону неразумныхъ поступковъ, наприм. страсти къ нарядамъ, или въ порывѣ сильнаго негодованія преслѣдуетъ самыми жестокими, извительными и рѣзкими укорижами тѣхъ, которые презираютъ святую и явно нарушаютъ права ближнихъ; такова напр. сатира на Максима. »Вотъ духъ времени, пишетъ здѣсь Григорій, всякій смѣлъ на все; подобно грибамъ вдругъ выбѣгаютъ изъ земли и мудрецы и военачальники, и благородные и епископы. Чтожъ выходитъ изъ этого? Добродѣтель унижается, и дерзость остается безъ наказанія. Видно и тебя привела въ изступленіе какая-то лавровая вѣтвь? Какія невѣроятныя и неслыханныя доселѣ новости! Саулъ въ пророкахъ, Максимъ въ числѣ писателей. Ктожъ послѣ этого сдержитъ свою руку? У всякаго есть бумага и трость: и старухи могутъ говорить, писать, собирать вокругъ себя народъ.—Писать смѣешь ты? Скажи же: гдѣ и у кого научился? Чьей руки дѣло этотъ даръ писать? Вчера рѣчи для тебя были тоже, что для осла лира, для вола морская волна, для морскаго животнаго—яро. Теперь же ты у насъ Орфей, своими перстами все приводящій въ движеніе. Вѣрно такую смѣлость вдохнули въ тебя старыя няньки, твои помощницы, заодно съ тобою слагающія рѣчи«.

Еще искуснѣе подвижникъ поэтъ разоблачаетъ софистику богачей, которые притѣсняли бѣдныхъ, но которые между тѣмъ оправдываютъ себя страннымъ указаніемъ на то, что есть

люди и похуже ихъ. »Что ни есть у твоего ближняго, пишеть Григорій богачу въ родѣ Плюшкина,—все гвоздь въ твоёмъ глазу. На помощь рукамъ у тебя готова и клевета. Ты заимодавецъ бѣднаго и вскорѣ потомъ и истязатель его. Ему грозятъ пытки и оковы. Ты называешь его и другомъ морскому разбойнику и жалуешься на него въ томъ, будто воля его сдѣлалъ когда-то обиду твоимъ воламъ. Что же это за обида, скажи мнѣ? Воля такого-то бѣдняка, жалуешься ты, кричалъ слишкомъ громко и еще какъ будто вызывалъ на драку, или уже и одолѣлъ твоего вола. И тѣнь отъ его деревъ, падая на твои деревья, причиняетъ имъ вредъ. И мальчикъ его ходилъ по твоему полю. И ты представляешь свидѣтелей, и у него пронадаютъ и воля и мальчикъ и садъ. Ты говоришь еще: я обогащаюсь несправедно, но иной захватывалъ во власть свою и цѣлыя народы и города, и потомъ тотчасъ присѣгаешь къ примѣрамъ, чтобы прикрыть свои раны. На это хочу сказать тебѣ одну басню, басню очень приличную твоимъ лежеумствованіямъ. Смѣялся нѣкто надъ совою. И сова отъ каждой насмѣшки увертывалась ловкимъ отвѣтомъ. Какая у тебя голова! говорили ей.—А какая у Дія, отвѣчала она. Какіе свѣтлыя глаза!—Точно какъ у свѣтлоокой.—Голосъ неблагозвученъ!—А у сороки еще неблагозвучнѣе.—И ноги тонки!—А каковы тебѣ кажутся у скворца? Но безъ труда отразивъ все это, какъ ни была умна сова, она уступаетъ въ одномъ. Ей говорятъ: посуди же ты умная, у каждаго есть что нибудь одно, а у тебя все вмѣстѣ и все чрезъ мѣру, и глаза свѣтлы, и голосъ грубъ и ноги тонки, и голова велика. И дорогая сова, выслушавъ это, пошла со стыдомъ.—А отъ тебя не дождешься и сего; напротивъ того, птица въ баснѣ гораздо умнѣе тебя. Все есть въ одномъ,—въ томъ и бѣда твоя«. Такой комизмъ въ стихотвореніи св. Григорія конечно былъ полезнымъ врачеваніемъ духовныхъ недуговъ.

Къ роду сихъ же стихотвореній должна быть отнесена сатира и на епископовъ; но она много уступаетъ всѣмъ другимъ стихотвореніямъ Григорія. Здѣсь высказываются жалобы на властолюбіе, коварство, своеволие и невѣжество епископовъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ.

Наконецъ стоитъ особеннаго вниманія еще то стихотвореніе, въ которомъ св. Григорій пересказываетъ свою жизнь. Здѣсь поэтъ поставляетъ себя цѣлю изобразить собственныя свои несчастія, въ порядкѣ ихъ дѣйствительнаго обнаруженія, но изображаетъ все это во многихъ мѣстахъ чрезвычайно драматично. Собственная его жизнь, по его представленію, была какъ бы трагическою борьбою первоначально сердечнаго давленія его желанія съ требованіями друга, и духовныхъ его чадъ, а потомъ пастырекой ревности о православіи съ коварствомъ неправославныхъ. Здѣсь конечно нѣтъ творческаго изобрѣтенія содержанія; здѣсь изображается дѣйствительная жизнь поэта, но зато есть истинно-художественное выполненіе дѣла. И геніальные мірскіе поэты (вопреки мнѣнію извѣстныхъ въ исторіи поэзіи нигилистовъ) большую часть содержанія своихъ твореній заимствовали изъ народныхъ преданій или дѣйствительной исторіи прошедшихъ временъ, или собственнаго своего опыта. Это въ сущности своей не много отличается отъ изображенія собственной жизни, когда оно представляетъ поэтическое содержаніе.

При обычныхъ требованіяхъ отъ трагедій ужасныхъ и потрясающихъ душу коллизій, несчастія Григорія конечно могутъ показаться слишкомъ малыми и неважными, для того, чтобы изъ взаимнаго соединенія ихъ можно было составить трагическую картину. Самую скорбь Григорія, которою пропитано его стихотвореніе, иные пожалуй назовутъ слѣдствіемъ излишней чувствительности. Правда, кто привыкъ уважать коллизіи только въ дѣлахъ рыцарской чести или внѣшней привя-

занности, тотъ здѣсь не найдетъ для себя ничего сроднаго и даже пожалуй будетъ скучать при чтеніи этого стихотворенія. Но тотъ, кто смиреніе не считаетъ слабостію, кто не рѣшается посвящать себя высокому церковному служенію прежде строгаго предварительнаго самоиспытанія, кто убѣжденъ въ высокой важности іерархическаго сана и кто, наконецъ, ясно представляетъ себѣ высокое значеніе въ дѣлѣ оправданія предъ Богомъ святой и правой вѣры: тотъ легко пойметъ, какъ естественна и справедлива эта глубокая скорбь, которую приписываетъ себѣ св. Григорій Богословъ, при возложеніи на него пастырскихъ обязанностей и при враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ него со стороны неправославныхъ, а слѣдовательно тотъ не можетъ не сострадать ему отъ глубины своего сердца. Давно бы, кажется, пора понять, что тѣ ужасныя коллизіи, въ какихъ поэтическое воображеніе представляетъ намъ наприм. Макбетовъ, Ричардовъ, Отелловъ, возбуждаютъ въ насъ отвращеніе только къ тяжкимъ и громкимъ преступленіямъ, раскрываемымъ во всей крайности ихъ развитія, но въ то же время дѣлаютъ слишкомъ снисходительными къ ежедневнымъ нашимъ нравственнымъ проступкамъ и неблагороднымъ, своекорыстнымъ желаніямъ; между тѣмъ кто не знаетъ, что по непремѣнному требованію религіи и эти послѣднія мы не должны считать маловажными и не должны быть къ нимъ равнодушными. Слѣдовательно, поэтическое изображеніе и такой строгой нравственной бдительности, по которой страшатся высокихъ степеней общественнаго служенія, какъ самыхъ тяжкихъ несчастій, глубоко сокрушаются о самыхъ мгновенныхъ внутреннихъ прегрѣновеніяхъ и паденіяхъ, должны имѣть для всѣхъ существенную важность.

Въ драматическихъ произведеніяхъ ищутъ особенно живаго очертанія характеровъ какъ главнаго дѣйствующаго лица, такъ и соприкосновенныхъ къ нему лицъ. Этому требованію

какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ стихотвореніе Григорія о своей жизни. Передавая свою собственную болѣе духовную внутреннюю жизнь, тѣ скорбныя мысли и чувствованія, какія порождены неожиданнымъ возведеніемъ на высія церковныя степени, св. Григорій какъ хорошо знакомитъ читателей съ самимъ собою; такъ въ тоже время сообщаетъ живую, вѣрную характеристику своихъ родителей, друга, императора Θεодосія и особенно циника Максима.

Кромѣ этого главнаго содержанія въ эпизодическихъ картинахъ поэтъ представляетъ живописное изображеніе современнаго ему состоянія церквей, и особенно возмущавшихъ тогда ересей, и дѣяній 2 вселенскаго собора. По всему этому разсматриваемое стихотвореніе св. Григорія о своей жизни, какъ въ общей полнотѣ или цѣлости, такъ и въ частяхъ представляется истинно-поэтическимъ произведеніемъ. Смотри съ этой точки зрѣнія, въ цѣломъ твореніи Григорія не можемъ открыть ни излишества, ни недостатка. Поэтъ видимо и намѣренно умалчиваетъ о многихъ обстоятельствахъ своей жизни, для того только, чтобы представить болѣе жалкою и скорбною свою жизнь. Такъ онъ слегка намекаетъ на чудныя или радостныя приключенія своей жизни, но тотчасъ же и уклоняется отъ подробныхъ объ этомъ упоминаній. И самое окончаніе стихотворенія не можетъ почесться несоотвѣтствующимъ главной идеѣ или цѣли поэта. Хотя св. Григорій представляетъ увѣнчаннымъ и исполнившимся искреннее, постоянное и сильное свое желаніе посвятить себя пустынной созерцательной жизни, но никакъ не миритъ нашего сердца съ несправедливостію низведшихъ его съ каѳедры епископа, а также съ злорадованіемъ и ложными толками по сему случаю его враговъ. Вообще цѣлое стихотвореніе представляетъ постоянное соединеніе эпическаго разсказа съ драматическими монологами, живописныхъ картинъ съ разнообразными сердечными думами,

общеназидательныхъ размышленій съ личными и глубокими чувствами.

Въ частности постепенное развитіе коварнаго замысла лжеепископа Максима раскрыто совершенно-вѣрно въ отношеніи психологическомъ, а также живо и осязательно и для чувства; здѣсь можно встрѣтить и рѣзкое сатирическое изображеніе лицемѣрія Максима, а вмѣстѣ съ симъ и добродушное снисхожденіе къ его слабостямъ, и воодушевленное негодованіе на безчестное его домогательство архіепископскаго престола. Посему, хотя въ этой характеристикѣ нѣтъ упоминанія ни о трупахъ, ни о крови, ни о кинжалахъ, ни о ядѣ, почти всегдашнихъ атрибутахъ трагедіи, но тѣмъ не менѣе покушеніе, сдѣлать предметомъ своей корысти и честолюбія самое высокое и священное званіе, это покушеніе представлено очень возмутительнымъ и оскорбительнымъ для сердца проникнутаго должнымъ благоговѣніемъ къ святымъ.

Рѣчь, влагаемая поэтомъ въ уста его родителя, при своей краткости поражаетъ особенною естественностію и способностію поэта проникаться чужими мыслями и чувствами. А собственно его молитва на кораблѣ, рѣчь его предъ соборомъ — это потокъ словъ, прямо и искренно льющихся отъ сердца. Самое размышленіе, направленное противъ господствующихъ аріанскихъ миѣній, и общее сужденіе о заблужденіяхъ другихъ еретиковъ, противъ которыхъ онъ ратовалъ всею силою своей благочестивой ревности и благопокорнаго терпѣнія, и это сужденіе, при всей отвлеченности нѣкоторыхъ мыслей, также пригодно и умѣстно, какъ напр. разсужденія англійскихъ правителей о политическомъ состояніи европейскихъ государствъ и о современныхъ войнахъ въ историческихъ драмахъ Шекспира.

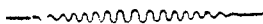
Въ заключеніе разбора стихотвореній Григорія остается пожалѣть о томъ, что эти творенія существуютъ для насъ

только въ простомъ прозаическомъ переводѣ. Конечно поэтическія ихъ совершенства ярко просвѣчиваютъ и въ переводномъ русскомъ языкѣ, но все же отсутствіе гармонической музыкальности подлиннаго стиха составляетъ важную и великую потерю. Съ восполненіемъ этого ощутительнаго недостатка, вполне можно быть увѣреннымъ, что эти стихотворенія могли бы поспорить своимъ достоинствомъ со многими прославленными лирическими произведеніями, замѣнить многія изъ извѣстныхъ у насъ настольныхъ поэтическихъ сочиненій. Св. Григорій Богословъ упражнялся въ стихотворствѣ между прочимъ, по собственному его добродушному признанію, и для того, чтобы одержать преимущество предъ прославившимися у грековъ поэтами. И онъ дѣйствительно далеко возвысился надъ ними какъ въ самомъ взглядѣ на поэзію, такъ и въ выполненіи дѣла; давъ лучшее и достойное содержаніе своимъ стихотвореніямъ, онъ исключилъ изъ сферы предметовъ поэтического выраженія все низкое и грубое; и дѣйствительно при своей усиленной крайности оно не нуждается въ новомъ оживотвореніи и изображеніи, тѣмъ болѣе, что оскорбительно для нравственнаго чувства и для нетвердыхъ въ добродѣтели служить всего болѣе поводомъ къ новымъ паденіямъ. Поэтому-то даже при изображеніи языческаго нечестія и разврата, св. Григорій не описывалъ самыхъ крайнихъ степеней развитія зла, чего можно было бы ожидать отъ писателей такъ-называемой натуральной школы. Что касается до поэтического выраженія и раскрытія, то въ кругѣ избраннаго содержанія Григорій Богословъ дѣйствовалъ совершенно-свободно и полновластно, и озарилъ это содержаніе такимъ яснымъ свѣтомъ, какой невозможно найти ни у кого другаго изъ поэтовъ. Важно и то, что при всѣхъ вопляхъ и суетѣ жизни онъ весьма далекъ отъ того ропота, какой позволяли себѣ разочарованные мечтатели. Все это такія совершенства, которыя необходимо

имѣть поэтическимъ произведеніямъ во всякое время. А тѣмъ, которые порицали его стихи за внѣшнюю форму, св. Григорій написалъ въ отвѣтъ только такія слова: »оуждаешь размѣръ моихъ стиховъ, но это потому, что самъ не наблюдаешь размѣра, ниша ямбами и производя на свѣтъ какіе-то выродки стиховъ: какой слѣпецъ узнавалъ видящаго? Кто не двигаясь съ мѣста догонялъ бѣгущаго?» Изъ этого видно, что дѣланныя ему порицанія были совершенно несправедливы.

Впрочемъ, говоря такимъ образомъ, не лишнимъ почтемъ напомнить, что главная заслуга св. Григорія Богослова не въ томъ, что онъ поэтически изложилъ христіанское ученіе, а въ томъ, что съ апостольскою ревностію защищалъ святую вѣру отъ нападеній ея враговъ и передавалъ ее другимъ во всей ея чистотѣ и цѣлости. Истины религій христіанской имѣютъ сильное вліяніе на наши души и въ томъ случаѣ, когда излагаются въ простотѣ вѣры и безъ всякой искусственности. Но если Григорій Богословъ, исполняя свое высокое служеніе церкви, не уступалъ прославленнымъ мірскимъ поэтамъ въ самой художественности изложенія христіанскаго ученія, то тѣмъ безотвѣтнѣе предъ Богомъ всѣ христіанскіе писатели, чѣмъ они равнодушнѣе къ поэтическимъ твореніямъ сего великаго отца церкви.

*А. Порфирій.*





**Издательство православной  
богословской литературы  
“АКСИОН ЭСТИН”  
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

**Посетите наш сайт в интернете по адресу:**

[www.axion.org.ru](http://www.axion.org.ru)

**На сайте:**

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: [info@axion.org.ru](mailto:info@axion.org.ru)